

# СЛУЧАЙ С ЛИНКОРОМ «НОВОРОССИЙСК» — ОСОБЫЙ

В газете «Флаг Родины» от 29 февраля 1996 г. напечатано обращение ветеранов линкора «Новороссийск» — «Несчастный случай или боевые действия?». В этом обращении ветераны линкора, оставшиеся в живых, и родственники погибших 607 матросов и офицеров просят разъяснить, имеют ли они право на льготы согласно закону Украины от 22.12. 1995 г. Постараюсь аргументировать такое право чисто с профессиональной и человеческой точек зрения.

Дорогие ветераны линкора «Новороссийск», на ваше обращение хочется сказать, что гибель корабля — это самые жестокие боевые действия. Я сам принимал непосредственное участие в спасательных действиях экипажа линкора и весь ужас видел собственными глазами.

Я — участник боевых действий, тралил мины в Финском заливе, высаживал десанты в порты Южного Сахалина, Маоко, Хонто, Отомари, на мыс Ниси-Ногоро, захватил в плен японскую пхуну с офицерами, пытавшимися эвакуироваться на о. Хоккайдо, в проливе Лаперуза подорвался на mine. Помню, как с отчаянием в глазах смотрели матросы на огромные льдины, сжимающие корабль. Видел, как льды лезут на палубу, крушат борта, сметая все на своем пути. Видел и молящих, а затем уже и безразличных ко всему глаза обесцвелевших людей на тонущем корабле, когда они не могут справиться со стихией. Все это жутко.

Но случай с линкором «Новороссийск» — особый и не сравним ни с каким несчастьем, страшнее трагедии, я не видел.

...28 октября штаб эскадры вечером перешел с крейсера «Фрунзе» на линкор «Новороссийск». Я занес свои вещи в каюту линкора и ушел в город повидаться с семьей, которую не видел

уже около месяца, так как корабли эскадры находились в плавании у берегов Кавказа. 29 октября мы на ЛК «Новороссийск» должны были следовать в Новороссийск для замены боеприпасов главного калибра.

Ночью 29 октября в четвертом часу ночи ко мне на квартиру прибежали два матроса и, запыхавшись, сообщили: «Эскадра поднята по боевой тревоге. Вам срочно явиться на корабль!».

Быстро одевшись, я побежал на Аполлонову, так как жил на Корабельной стороне. Ночь была тихая, темная и холодная. Пройдя через виадук и выйдя на Аполлонову пристань, увидел страшную картину — на месте стоянки линкора находилось какое-то чудовище, похожее на всплывшую подводную лодку — это был перевернутый вверх дном линкор — над водой торчали киль и днище корабля.

У пирса в Аполлоновой бухте стоял катер, ожидавший прихода командира дивизии крейсеров.

Оценив обстановку как старший на пирсе, я приказал офицерам с крейсера «Фрунзе» садиться на катер, чтобы отбыть на корабль. Но старшина катера отказался выполнить мое распоряжение, заявив, что ему приказано ожидать командира дивизии. Я отстранил старшину катера от управления катером, а

лейтенанту (фамилии не помню) приказал вступить в управление катером и следовать на крейсер «Фрунзе», что и было выполнено. Через пять минут катер с офицерами и мною подошел к борту крейсера «Фрунзе». После высадки старшина катера вступил в управление катером, и катер ушел на Аполлонову за командиром дивизии.

У трапа «Фрунзе» меня встретил командир корабля капитан 1 ранга Шепетковский и, рапортуя, доложил: «Эскадра поднята по боевой тревоге. На кораблях осуществляются мероприятия по борьбе с подводными диверсантами. Врио командующего эскадрой контр-адмирал Никольский поднят из воды и находится в каюте в шоновом состоянии. Вы старший на эскадре, жду ваших распоряжений».

Выслушав рапорт, я приказал объявить по эскадре: «Крейсер «Фрунзе» — флаг-корабль эскадры. Вам лично находиться на ГКП крейсера и докладывать об обстановке».

Затем пошел в каюту флагмана. Контр-адмирал Никольский стоял под горячим душем, состояние его было несколько нервное. Кратко обсудили с ним обстановку. Никольский приказал мне следовать в военно-морской госпиталь, куда доставляли всех спасенных с линкора, и возглавить руководство по наведению порядка в госпитале, передаче и эвакуации личного состава линкора. Вместе с капитаном 3 ранга Басовым я пошел на катере на госпитальную стенку.

В госпитале была сложная обстановка. Все палаты

были заняты матросами, вытасканными из воды. По территории в возбужденном состоянии ходили группы матросов в мокрой одежде, дрожавших от холода.

Побеседовав с несколькими группами и отдав им все свои напирсы, успокоив их, мы пошли к начальнику госпиталя.

Капитана 3 ранга Басова я послал к воротам госпиталя, которые уже осаждали жены моряков с линкора. К тому времени ворота начали бить штурмом. Приказал капитану 3 ранга Басову в госпиталь никого не пропускать, кроме офицеров и старшин линкора, и поставил задачу: собрать свой личный состав по боевым частям и службам, переодеть в сухую одежду.

Из кабинета начальника госпиталя связался с начальником тыла флота т. Жидиловым, который проинформировал меня, что машины с обмундированием вышли и что на Сухой речке развертывается лагерь для приема экипажа линкора. Я попросил срочно прислать напирсы и махорки для матросов, ускорить прибытие автомашин с обмундированием и для эвакуации личного состава.

Очень сложная обстановка сложилась с погибшими моряками, которых вытаскивали из воды. Морг госпиталя вмещал всех погибших. Других помещений не было. Предложил использовать помещение клуба, куда и снесли группы погибших.

К 14.00 29 октября всех матросов и офицеров, кроме раненых и больных, которых разместили по палатам, отвезли в палаточный лагерь на Сухую речку.

Доложил ВРИО командующего эскадрой контр-адмиралу Никольскому о выполнении задачи и получил разрешение вернуться на крейсер «Фрунзе».

Да, анализируя сейчас все происшедшее, можно прийти лишь к одному выводу, что это были настоящие боевые действия и все участники заслуженно должны быть приравнены к участникам Великой Отечественной войны и пользоваться всеми льготами.

Хочется остановиться на причинах гибели линкора «Новороссийск». Подрыв подрывом, а гибель есть гибель. Ведь линкор «Новороссийск» после взрыва мог дать ход и не имел поврежденных цитаделей. Были повреждения только легкого корпуса.

Может быть, этот вопрос и будет спорный, но память о происшедшей трагедии требует высказать свое личное мнение. Убежден, что никаких диверсантов - подводников не было. Был подрыв на mine или взрыв заложенного в корпус линкора фугуса.

Отсутствие воды в цитаделе еще некоторое время удерживало его на плаву, но уже килем вверх. В этом суть трагедии личного состава линкора, который мужественно, с риском для жизни, не щадя себя, до конца боролся за живучесть корабля. Слава им!

Мы должны воздать им все почести за их самоотверженность, высокую выучку и преданность своему кораблю. Капитан 1 ранга в отставке А. ВУЖЛЕЦОВ, бывший начальник разведки эскадры КЧФ — заместитель начальника штаба эскадры КЧФ.

«Флаг Родины» 15.03.96